

**ИСКУССТВО И ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО МИРА:
ВЕКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ СМЫСЛОВ И ЭТАЛОНОВ КУЛЬТУРЫ**

© 2021 А. В. Репринцев

*докт. пед. наук, профессор,
кафедра психологии образования и социальной педагогики
e-mail: reprintsev@mail.ru*

Курский государственный университет

В статье предпринята попытка анализа взаимоотношений искусства и человека в условиях становления постиндустриального мира, диалектики свободы и ответственности художника в творении социокультурной реальности. Автор подчеркивает миссию художника в формировании духовного облика молодого поколения, с тревогой говорит об опасностях цифровизации художественного творчества, акцентирует внимание на проблемах усиления влияния массовой культуры, нарастании гедонистических установок в сознании детей и молодежи. Особое внимание автор уделяет современным тенденциям в социально-нравственном развитии подростков и юношества, путям и способам преодоления «кризиса культуры», роли искусства в формировании этнокультурной идентичности личности, ценностного отношения к национальной истории и культуре.

Ключевые слова: психология художественного творчества, педагогика профессионального образования, цифровизация, миссия искусства, художественное творчество.

**ART AND MAN IN THE SYSTEM OF SPIRITUAL VALUES
OF THE POST-INDUSTRIAL SOCIETY:
VECTORS OF EVOLUTION OF MEANINGS AND STANDARDS OF CULTURE**

© 2021 A. V. Reprintsev

*Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Department of Educational Psychology and Social Pedagogy
e-mail: reprintsev@mail.ru*

Kursk State University

The article attempts to analyze the relationship between art and man in the conditions of the formation of the post-industrial world, the dialectics of freedom and responsibility of the artist in the creation of sociocultural reality. The author emphasizes the artist's mission in shaping the spiritual image of the younger generation, speaks with alarm about the dangers of digitalization of artistic creativity, focuses on the problems of increasing the influence of mass culture, the growth of hedonistic attitudes in the minds of children and youth. The author pays special attention to modern trends in the social and moral development of adolescents and youth, ways and means of overcoming the "crisis of culture", the role of art in the formation of the ethno-cultural identity of the individual, value attitudes towards national history and culture.

Keywords: psychology of artistic creativity, pedagogy of vocational education, digitalization, mission of art, artistic creativity.

Современная социокультурная реальность стремительно меняет свой облик, облачаясь в «новые одежды», обретая новые универсальные черты и проявления, за которыми исчезают границы привычного, стираются отличия локальных культур и миров, возникает новая, «глобальная», культура, несущая в себе новый образ человека и новую модель социальных отношений, новую систему ценностей и новую систему социальных коммуникаций. Вместе с этими изменениями меняется и сам человек, его бытие, его образ жизни, его представления о самом себе и своем предназначении, о способах строительства отношений между людьми; меняются смыслы и эталоны культуры. Общественное сознание не успевает осмыслить эти изменения, отразить их, преобразовать в устойчивые паттерны и социальные поведенческие стереотипы. В таких масштабных социокультурных изменениях новое болезненно и трудно пробивает себе дорогу, не всегда оказывается принято и освоено, трансформируется в ценностно-смысловой базис новой культуры и новой генерации людей. В этой диалектике «старого» и «нового» проявляется действие закона отрицания отрицания – неизбежного изменения мира, его обновления, отклика человека, творящего мир, на новые обстоятельства своего существования и своего развития. Адаптация человека к новым условиям бытия требует актуализации ресурсов личности, сопряженных с осознанием новой реальности и мобилизацией внутренних сил на поиск и апробацию эффективных способов существования. Понятно, что адаптация к новым условиям является, по сути, неким кризисом, в котором прежние и апробированные способы существования оказываются непродуктивны, а новые еще не найдены, не стали достоянием индивидуального опыта личности. Освоению и накоплению фонда способов существования человека в новой социокультурной реальности может помочь искусство, ретранслирующее универсальные, вневременные идеи и смыслы, предлагающее личности варианты решения моральных дилемм, порожденных «кризисом культуры». На самом деле это не «кризис культуры» – это кризис ценностно-смыслового базиса личности, поиск и рождение новой социально-нравственной парадигмы, новой модели существования человека в изменившихся условиях бытия. Культура является лишь «хранилищем» ценностей и смыслов, накопленных человечеством, из которого человек берет и использует то, что позволяет ему преодолеть жизненные обстоятельства и самого себя.

«Кризис культуры» стал предметом размышлений для многих исследователей, усматривающих в нем «кризис» не столько культуры, сколько социально-нравственного самоопределения современного человека в системе культуры. Со всей очевидностью перед человеком встал масштабный и трудный вопрос: какой человек нужен обществу, с каким набором личностных качеств и свойств, позволяющих человеку «вписаться» в современную эпоху, в существующую систему отношений? Что может сделать Искусство, дабы помочь человеку преодолеть свой внутренний кризис и быть способным эффективно существовать в новой реальности, во внешнем мире? Речь, таким образом, идет о гармонизации внутреннего и внешнего мира, о снятии противоречий между Я-идеальным и Я-реальным, о минимизации разрыва между желаемым и возможным в жизнедеятельности человека, в творении его реальности.

Миссия искусства во все времена состояла в формировании духовного мира человека, в отражении внешних и внутренних обстоятельств его жизни, в формировании его системы ценностей, в обращении взгляда человека к вечным, неизменным смыслам и идеям социального бытия. По сути, искусство выполняло роль влиятельного субъекта формирования сознания человека, задавая границы социально одобряемого поведения и отношений, транслируя важные нравственные идеи и ценности, предопределяя зону должностования личности, пространство

нравственного выбора, в рамках которого человек оказывается свободен, остается субъектом социального поведения и отношений. Понятно, что основным заказчиком для художников много веков была церковь, нуждавшаяся в тонком и очень точном внедрении в сознание человека важных для религии социально-нравственных идей и смыслов, сопряженных с формированием поведенческих установок личности на принятие смирения, покорности, терпения, послушания, трудолюбия, любви к Богу, искупления изначальной греховности человека, моделирования жизни праведной и приготовление к «жизни вечной». Соответственно этим идеям формировались представления людей об образе «жизни праведной», о божественной природе власти, о нравственных законах, регулирующих отношения между людьми, о земном предназначении человека, о социальных институтах и их земной миссии. Вполне естественно, что в осмысление этих важных идей и ценностей активно вовлекались дети, молодежь, постигая нравственный смысл религиозных сюжетов, воспроизводившихся с помощью искусства. В социальном воспитании детей и молодежи искусство всегда играло очень важную роль, формируя в сознании входящих в жизнь поколений молодых людей идеальный образ мира и человека, задавая устойчивые социокультурные стереотипы, поведенческие установки, паттерны, стандарты.

Изменившийся сегодня мир не изменил сути отношений человека и искусства. Постиндустриальная цивилизация с ее арсеналом мощных информационных технологий и средств коммуникации привнесла в отношения искусства и человека новый ресурс – цифровую информационную среду, ставшую своеобразным хранилищем разнообразной информации, ее аккумулятором, но и агентом влияния на огромную массу потребителей информации – преимущественно молодежь. Возможности информационной среды огромны; в ней аккумулируются достижения локальных культур, сосредоточены важные интеллектуальные и духовные достижения человечества; информационная среда служит источником представлений входящих в жизнь поколений об окружающем мире, о самом человеке, его ценностях и смыслах жизнедеятельности, об искусстве и его шедеврах, о творцах искусства и их поисках – все эти возможности открывает информационная среда, которая сегодня стала для подростков и юношества источником важнейших мировоззренческих установок и социально-нравственных представлений.

Несомненно, в наступившей «цифровой эпохе» искусство по-прежнему является одним из самых сильных и действенных факторов формирования сознания человека, его внутреннего духовного мира, его мировоззрения, его отношения к себе и к другим людям. Одухотворяя человеческое бытие, привнося в него смыслы, цели и ценности, формируя представления о добре и зле, о подлинно высоком и прекрасном, искусство продолжает выполнять свою миссию: оно творит человеческий мир, оно созидает человеческие души. Но в цифровую эпоху неизбежно претерпевают изменения способы взаимодействия человека с искусством, в отношениях искусства и человека появился «посредник» – информационная среда и инструменты коммуникации, способные влиять на базовые мировоззренческие и поведенческие установки личности. Формально суть отношений искусства и человека осталась неизменной, а вот способы взаимодействия существенно трансформировались, в них появился «ретранслирующий механизм», «посредник» – информационные ресурсы, сайты, коммуникаторы, гаджеты, социальные сети, способные влиять, задавать вкусы, оценки, представления о норме, формировать установки, ценностные ориентации человека, моделировать его социальную позицию, отношение к окружающей социальной среде. При этом человеку кажется, что он остается субъектом таких отношений: он (как бы!) сам выбирает модель своего поведения, свои предпочтения, свои интересы, но этот «выбор»

он осуществляет под влиянием искусства, конкретного произведения, оказавшего на него воздействие, внедрившего в его сознание нужные поведенческие установки. Но «посредник» не пассивен, не безразличен к выбору модели поведения человека и внедряет в его сознание вполне конкретные поведенческие установки, а иногда прямо навязывает их, предлагает конкретную логику поступков и социальную позицию. Посредник «дозировать», определяет ракурс в восприятии произведения искусства, предлагает оценку, задает вектор движения мысли человека. При этом доминируют упрощенные, примитивные (а потому легкодоступные для восприятия) виды и произведения искусства, не требующие предварительной подготовки субъекта, апеллирующие к самым простым и самым примитивным интенциям личности... Так информационная среда продвигает поделки под искусство, продукты «массовой культуры», формирующие в сознании входящего в жизнь поколения детей и молодежи (да и взрослых людей) сомнительные идеи и ценности, дегуманизированные нормы и представления о подлинно высоком и прекрасном в реальной жизни и в искусстве. Идет процесс активного расчеловечивания личности, ее целенаправленной духовной деградации. Тем самым посредством информационной среды обеспечивается духовный декаданс человека, его устойчивый дрейф в маргинальное дно, осязаемое дистанцирование от подлинно высокого в человеческой культуре. В этом контексте обратимся к фундаментальной работе А.В. Кукаркина, в которой философ убедительно показывает истинную сущность «массовой культуры» в условиях буржуазного мира [Кукаркин 1985: 162]. В современном «рыночном» мире культура всегда «многослойна», поскольку само общество оказывается неоднородным, а каждая страта имеет свою специфическую субкультуру. Социальная дифференциация порождает разное в каждой из социальных страт отношение к культуре и искусству. Об этом пишут многие философы, указывая на «связь проблемы культурного потребления с социальной дифференциацией». В буржуазном обществе «массовая культура» неизбежно рассматривается как антипод элитарной культуры, как прибежище люмпенов, маргиналов, социальных низов, плебса... Дифференциация культур в буржуазном мире порождается разностью в образе жизни социальной элиты и массы, разными вкусовыми пристрастиями и эстетическими потребностями, а в конечном счете – разницей в уровне образования и духовного развития. Разные культурные запросы, разные духовные потребности представителей «просвещенной» элиты и представителей «невежественной» массы проявляются в различном отношении к искусству и культуре в этих социальных средах [Козлова 1994: 144].

Современная российская реальность предлагает множество примеров «омассовления сознания» целого поколения подростков и юношества. Эти явления уже стали предметом осмысления для современного кино, театра, молодежной музыки, литературной публицистики. Активно анализируются эти явления в социальной педагогике и социальной психологии. Неизбежная в условиях буржуазного мира дифференциация культур отдельных социальных групп обнаруживается в различиях культурных запросов и способов потребления произведений искусства и культуры в каждой из социальных страт, о чем вполне убедительно пишет И.С. Сухоруков [Сухоруков 2016; 2016а; 2016б; 2016в; 2016г; 2016д; 2016е; 2016ж; 2017; 2020; 2020а; 2020б; 2021; 2021а]. Исследуя процессы формирования этнокультурной идентичности, И.С. Сухоруков обнаружил целый ряд тенденций, не связанных с этнической принадлежностью подростков и юношества, но имеющих универсальный характер и проявляющихся в унификации ценностей культуры и искусства, их десакрализации, примитивизации культурных запросов и оценок, тяготении значительной части детей и молодежи к упрощенным формам искусства, отсутствию критериально-оценочной базы восприятия и понимания произведений искусства. Банальное «нравится – не нравится»

откровенно доминирует в сознании детей и молодежи, не получая сколь-нибудь глубокого обоснования и развернутой эстетической и нравственной оценки. Вслед за этим происходит обеднение (а по сути – выхолащивание!) опыта эстетического восприятия и интерпретации окружающей реальности. Значит, подростки и юношество перестают адекватно (или критически) воспринимать и оценивать происходящее в реальной жизни, в социокультурной среде. И.С. Сухоруков в своих исследованиях показывает, что нравственные и эстетические критерии оценки окружающей реальности фактически уже перестали использоваться и примитивизированы до самых банальных, неразвитых, уродливых форм: «нравится / не нравится»; «клёво»; «в кайф / не в кайф»; «стремно»; «найс», «треш», «кул», «лол», «кринж», «лайк / дизлайк» и т.п. В большинстве случаев подростки оказываются не способны дать развернутую и обоснованную эстетическую оценку самым простым произведениям искусства [Сухоруков 2021]. Становится понятным общий вектор развития духовной культуры детей и молодежи, ее стремительное выхолащивание, обеднение. И одним из наиболее ярких проявлений этого обеднения является дистанцирование целого поколения юных граждан страны от подлинных ценностей в искусстве, сокращение способности к оценке произведений искусства.

Не в малой степени этому способствует экономическая ситуация в обществе, сокращение финансовых возможностей российских семей. Доступ к подлинному искусству сегодня во многом зависит не только от глубины и широты эстетических запросов личности, сформированности опыта восприятия и понимания произведений искусства, но и от финансовых возможностей родителей. По сути, доступ к истинным ценностям искусства сегодня предопределяется финансовыми ресурсами семьи, позволяющими (или не позволяющими) удовлетворить потребность ребенка в общении с прекрасным. Доступ в музеи, концертные залы, театры, на выставки ныне сопряжен с немалыми тратами; подлинное искусство оказывается доступным лишь бизнесменам, финансово состоятельным людям. Большая часть молодых людей сегодня дрейфует в болото маргинальной культуры, в духовное оскудение, что, по мнению Н.Б. Маньковской, связано с утверждением в современном обществе культуры постмодерна, неизбежно разрушающей в личности способность к целостному, системному мировосприятию и миропониманию [Маньковская 2000]. Анализируя «неканоничность постмодернистской эстетики», Н.Б. Маньковская детально характеризует ее наиболее выразительные идеи и направления – постфрейдизм, постструктурализм, теорию деконструкции, проводит подробный анализ основных теоретико-методологических проблем постмодернизма (художественный шизоанализ, симулякр, интертекстуальность, иронизм), иллюстрируя каждое из направлений в постмодернизме, показывая своеобразие проявлений постмодернизма в искусстве, его сопряженность с массовой культурой. Философ отмечает, что в современной России сегодня достаточно адептов постмодернистской концепции мира (и даже постпостмодернистской); представители которой активно говорят о «кризисе культуры», об «окончательной победе над квасными патриотами», о закономерной «победе западников над славянофилами» и т.п.

Постмодернистская концепция общества зародилась в европейской философии и стала предметом анализа целого ряда мыслителей [Бауман 2008; Затонский 2000; Ильин 1998; Иноземцев 2000; Кастельс 2000; Хагуров 2015 и др.]. «Термин "постмодернизм" носит собирательный характер, включая в себя не только собственно постмодернизм, но и его "ближайших родителей" – структурализм и постструктурализм» [Хагуров 2011: 47]. Анализируя феномен постмодернизма и механизмы его влияния на современную духовное развитие человека и общества, Т.А. Хагуров акцентирует внимание на деструктивности «отказа от реальности»,

очевидном «деиерархизирующем» влиянии на всю систему социальных отношений: «Традиционное различие высокого и низкого, допустимого и запрещенного, нравственного и аморального уступает место широкому полю "дискурсов", "интерпретаций" и "альтернативных реальностей"» [Хагуров 2011: 62–63].

Следует обратить внимание на проблему «диалога культур», «диалога поколений», известный конфликт «отцов и детей» в контексте постмодернистской концепции мира. Надо сразу признать, что постмодернизм в своей сущностной характеристике диаметрально противоположен идее преемственности, традиции наследования культуры, межпоколенного диалога, взаимодействия «отцов и детей», посредством которого осуществляется межпоколенная эстафета ценностей и смыслов культуры Русского мира. По существу, постиндустриальная цивилизация порывает с прошлым и его носителями, отрицает прошлое, устремляясь в будущее, призывает человека всецело отдаться удовольствиям.

Через напористую и доступную для любого ребенка информационную среду культура постиндустриального мира активно навязывает подростку и юноше гедонистическую мораль, втягивает его в бесконечную гонку за удовольствиями, за наслаждениями, отвергая все табуированные традиционной культурой ограничения, все предписываемые ею нормы и правила, снимая все запреты и санкции; внедряемая постмодернизмом «новая мораль» утверждает примат личного над общественным, подпитывает эгоистические установки, нарциссизм, воспламеняет его Эго. Некоторые идеологи постмодерна уже заявляют о «смерти морали». Н.Н. Зарубина пишет: «Новое состояние культуры, получившее название “постмодернистской”, “рефлексивного модерна”, “радикального модерна”, по мнению З. Баумана и других учёных, характеризуется распадом универсальной “арочной морали”, ценности и нормы которой постепенно утрачивают императивность и общезначимость, становятся объектом рефлексивного осознания и индивидуального выбора. Так, З. Бауман утверждает, что в современном обществе человек обречён жить в состоянии постоянных моральных дилемм, неразрешимых в силу отсутствия универсального рационального порядка. Этика убеждения, предполагающая безусловную веру в незыблемые ценности, или этика служения, основанная на следовании долгу перед обществом, уходят в прошлое и не могут более служить достаточным основанием для принятия нравственных решений, поскольку все ценностные и социальные иерархии стали относительными» [Зарубина 2013: 97]. Вот так, прямо и откровенно: человек находится в постоянных моральных дилеммах, которые неразрешимы; традиционная этика уходит в прошлое и не может более являться основой для принятия решений, а все прежние нравственные ценности стали «относительными». Это и есть «конец морали»? Тогда это «конец всего социального». В деструкции традиционной морали сегодня активно участвует не только информационная среда, социальные сети, но и «массовое искусство».

Подлинное, настоящее искусство неизбежно пропагандирует традиционную мораль, помогая человеку яснее осознать ту грань, за которой человек утрачивает свое достоинство, перестает быть личностью, быть Человеком. Истинное искусство проповедует ценность Гуманизма, Добра, Красоты, Справедливости, Чести, Достоинства, Правды, Ответственности – традиционные ценности человеческой морали, в которых закреплён социально-нравственный опыт предшествующих поколений, а мера интериоризации этих ценностей служит своеобразным «мерилом», критерием окультуренности личности, ее приобщенности к незыблемым, универсальным нормам человеческой морали. Мораль – и есть культура, важнейшая ее часть, а искусство выступает одним из эффективных и надежных средств ретрансляции морали. Если «нет морали», если вся жизнь – «гонка за удовольствиями», если «прошлого нет»,

если существует только личная «свобода», не ограниченная никакими нормами, тогда «зачем труд?», «зачем совесть?», «зачем ответственность»? Тогда не нужно оглядываться назад, – надо смотреть только вперед, не нужны никакие авторитеты, не нужны идола, – нужно освободиться от старых догм и жить своими внутренними желаниями... В этой цепочке постмодернистских утверждений выражена вся концепция жизни тех, кто сегодня сидит за школьной партой, кто только готовится войти в мир взрослых. Н.Н. Зарубина обращает внимание на то, что в числе деструктивных аморальных феноменов в среде современной молодежи России наиболее выраженным можно назвать *потенциальную готовность значительной части молодых людей к сознательному обману других людей с целью получения какой-либо личной выгоды или достижения личных эгоистических целей*. В частности, исследователь приводит данные собственных исследований, согласно которым более трети молодых людей (около 40% из числа юношества и граждан в возрасте до 35 лет), а также чуть больше половины респондентов зрелого возраста и пожилых (примерно 56%) *считают недопустимым и невозможным для себя подобную философию строительства межличностных отношений*. Вместе с тем заметно растет число тех, кто прибегает к подобной модели социального поведения, о чем откровенно говорят 41–45% респондентов в возрасте 17–35 лет, готовы к такой модели поведения и примерно 27 % респондентов зрелого и пожилого возраста [Зарубина 2013: 98]. Но разве может быть построена подлинная культура на циничной лжи, на бесконечном обмане? Разве может быть лживой, неправдивой национальная история? Да и чему тогда она сможет научить, от чего предостеречь? Как тогда определить, кто из исторических персон прошлого достоин занять почетное место в Пантеоне национальных героев, что будет нравственным основанием для такой высокой оценки совершенных ими общественных деяний и поступков? Как подростку и юноше выстраивать свою линию жизни, на какие нормы и ценности ориентироваться, постигая историю своего народа? Какие критерии лежат в основе оценки социальной успешности личности? Да и что такое «социально успешная личность» – что является мерилом такой «успешности»? – Едва ли постмодернизм даст молодому человеку ответы на эти вопросы, едва ли поможет сориентироваться в жизни и определить свои собственные жизненные цели, найти достойные средства их достижения.

Постмодернистская концепция жизни неизбежно ведет к плюрализации и релятивизации нравственных ценностей и норм, критериев морального, представлений о должном, устойчивых стандартов социально-одобряемого поведения. Подобная ситуация порождает закономерную социально-нравственную дезориентированность личности на этапе вхождения в самостоятельную взрослую жизнь, резко снижает потенциальную возможность успешного социального и нравственного самоопределения личности, выработки стратегии собственной жизни, возможности быть ее субъектом. Да и общество уже не может предложить какой-либо внятной модели социально-успешной личности, критериев и показателей такой успешности. Жизнь «для себя» становится всеобщим эгоистическим трендом, социальной «нормой», в которой другой человек – только средство для достижения личных целей или удовольствий. Не потому ли ныне столь часто люди стали использовать другого (даже очень близкого) человека для достижения своих узкоэгоистических целей, а по достижении этих целей тут же разрывают с ним отношения?

Невольно возникают в памяти кадры недавних фильмов, в которых нынешние постмодернистские «веяния времени» оказались столь ярко запечатлены. Фильм южнокорейского режиссера Пон Чжунхо «Паразиты» (2019) стал обладателем Золотой пальмовой ветви Каннского кинофестиваля (2019), лауреатом премии «Оскар» (2020), наглядно показав деструктивность постмодернистской морали, разрушающей человеческую личность. Немало попыток и в российском кино отразить современные

реалии культуры и их общий вектор развития. Достаточно назвать фильм Нигины Сайфуллаевой, Павла Руминова, Наташи Меркуловой «Про любовь. Только для взрослых» (2017), фильм Михаила Сегала «Рассказы» (2012), фильм Юрия Быкова «Дурак» (2014), – в этих картинах запечатлены современники и современная культура, полная фальши, цинизма, продажности, бесстыдства. По сути, все пороки современного общества представлены в этих фильмах в абсолютной наготе и полноте. Уже само отражение пороков, анализ их природы, проникновение в логику деяний порочной личности служит предметом осмысления для искусства, вызывает к избавлению от пороков, освобождению человека от скверны. Общий вектор духовного декаданса молодежи убедительно отражен в фильмах Романа Прыгунова «Духлесс» (2012) и «Духлес-2» (2015), в фильме Андрея Звягинцева «Левиафан» (2014). Герои этих фильмов не ограничивают себя моральными императивами, не занимаются самоедством, пытаются «выделять себя в человека, как Рахметов», а живут «одним днем», живут в свое удовольствие, наслаждаясь тем, что им доступно – «здесь и сейчас». Их не терзают угрызения совести за собственные предательства и измены; они извлекают удовольствия, наслаждаются жизнью. Их сложно обвинить в «моральном разложении»: они живут так, как живут многие, возможно – большинство. Но в этом и состоит трагизм дня сегодняшнего, поскольку в болоте маргинальности вязнут многие, и их все больше. И нет силы, способной остановить это бесконечное падение в бездну... Вполне убедительную картину настоящего, реальное отражение современной ситуации в подростково-молодежной среде, истинное состояние социально-нравственной культуры подростков и юношества подробно раскрывает в многочисленных публикациях И.Е. Булатников [Булатников 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2017]. В частности, исследователь пишет: «Общий вектор эволюции морального сознания юношества очевиден – в нем явно просматривается акцент на собственном Я, нарастание индивидуализма, доминирование индивидуального над социальным, ощутимая утрата внешних, регламентирующих рамок общественно одобряемого поведения, растущая власть денег, грубой физической силы, стремление к обособлению от внешней среды, ориентация на “красивую жизнь” без выраженного стремления достичь такую “красоту” собственным трудом, установка на социальный эгоизм, индивидуализм, отчуждение, обособленное существование молодых людей в социальном пространстве, легковесное, беззаботное отношение к жизни...» [Булатников 2012: 69].

Почему так опасна деструкция общественной морали для развития человека, прежде всего детей и молодежи? Ее главная опасность состоит в разрушении базовых этических представлений личности, формируемых через образное восприятие мира, через социально ценные эмоции, через сострадание, сопереживание, сочувствие, соучастие, сорадование. Настоящее, истинное Искусство всегда пропагандирует именно эти нравственные ценности и нормы, к ним обращает внимание зрителя, о них рассказывает входящему во взрослый мир ребенку. Именно с этими ценностями и нормами сопряжено в общественном сознании понимание подлинной, истинной культуры [Булатников 2015: 119]. Не случайно в анализе деструкции общественной морали И.Е. Булатников обращается к работам Альберта Швейцера, в которых великий гуманист XX в. размышлял о кризисе буржуазной культуры. Исследователь пишет: «Глобализирующаяся культура, глобальное “общество потребления”, в котором мерилom социальной успешности человека становится возможность получения доступа к материальным “благам цивилизации”, размывают границы должного, обесценивают нравственные императивы человеческого бытия, задают ложные смыслы и цели реализации личностью своих “природных сущностных сил”. Действительно, современная цивилизация предлагает входящему в жизнь человеку невероятные варианты “сценариев жизни”, выбор которых ныне личностью опирается преимущественно лишь на ее материальные

возможности и практически не сопряжен с мерой ее вклада в "общественное богатство", в "благо для всех". Так в личности обнаруживает себя непреодолимое противоречие между социальным и индивидуальным, между внешним и внутренним, разрешение которого неизбежно оказывается сопряжено с моральным выбором, осуществляемым каждым человеком: либо жить для себя, либо жить для других... И этот выбор становится сегодня все более очевидным: молодое поколение все откровеннее делает его в пользу "себя", совершая стремительный "культурный дрейф" от традиционной русской национальной культуры в сторону культуры эгоистической, индивидуализированной, гедонистической, ориентирующей человека на удовольствия, культ денег, праздность, отсутствие моральных авторитетов и самоограничений» [Булатников 2015: 120]. Следует признать, что очень своеобразную «помощь» молодому человеку в этом трудном социальном и нравственном выборе оказывает «массовая культура», «массовое искусство», ориентированное на коммерческий успех, на прибыль. Едва ли подобными мотивами руководствовался И.Е. Репин, создавая знаменитых «Бурлаков» и «Крестный ход», едва ли на коммерческий успех полагались В. Суриков и В. Серов, И. Шишкин и А. Куинджи, В. Васнецов и И. Крамской, В. Полenov и А. Дейнека... Финансовый успех сегодня становится важнейшим мерилом творческой состоятельности и художника, и созданного им произведения...

В сознание значительной части российского общества активно вторглась и стала основой социальной позиции потребительская психология. Пропитав сознание подростков и юношества, такая психология уже ввергла целое поколение молодых людей в бесконечную гонку за призраком удовольствия, накопительства, привнеся в среду молодежи неудержимое соперничество, жажду обладания, культ денег. Неокрепшее сознание подростка (да и многих взрослых) теряет способность к самоконтролю и объективной самооценке, подчиняясь мотиву «иметь» (вместо «быть»), вливаясь во всеобщий поток потребителей, становясь «членом стада, стремительно несущегося к краю пропасти». В этом случае мораль перестает быть регулятором социального поведения. На этой стадии «развития» фактически исчезает социальность, человек оказывается подчинен лишь власти своих инстинктов. Нормы и ценности культуры перестают быть регуляторами поведения человека, они утрачивают в его сознании статус ценностей. «XX в. создал все условия для развития потребительской экономики, позволяющей среднему человеку достигать высокой степени максимизации комфорта и удовольствия, посредством интенсивного потребления благ, товаров и услуг. Произошло становление нового социально-экономического порядка, в котором старый добрый "экономический человек" (производитель) стал вытесняться "человеком-потребителем", который становится ключевой фигурой новой потребительской экономики» [Козлова 1996: 180].

Не менее важной причиной роста потребительской психологии, гедонистических и эгоистических установок в сознании значительной части молодежи (как и значительной части взрослого населения) является активное вторжение в общественную жизнь массовой культуры в ее западном, американизированном варианте, породившей огромное количество искаженных представлений о морали, о подлинной красоте, духовности, о важнейших нравственных нормах и ценностях, о критериях оценки успешности личности и ее общественной ценности, общественном признании. По сути, единственным и самым важным критерием успешности человека сегодня стали деньги. Они – смысл и главная ценность для большинства современных молодых людей, индикатор социальной успешности и качества человеческой жизни. Спутниками такого миропонимания и представлений о нравственных ценностях жизни, как правило, являются тяга молодых людей к потреблению, включенность в гонку за комфортом и внешними атрибутами благополучной и сытой жизни, тяга к развлечениям

и наслаждениям, поверхностность в кругозоре и интересах, поведенческих установках; мозаичность мировоззренческих представлений, инстинктивность поведения, стремление соответствовать наиболее типичным и массовым вкусам, представлениям, моде. Как правило, наиболее типичным образчиком такого социального типажа может быть молодой человек с примитивной, очень поверхностной палитрой духовных интересов, жаждущий лишь удовольствий, гедонистических развлечений, праздных моделей досуга и образа жизни. Такой примитивно-упрощенный человек, по сути, порывает с истинной традиционной культурой и становится типичным представителем массовой культуры, ее верным адептом. Достаточно посмотреть серьезные работы, посвященные подобному социальному типуажу, и тогда будет легко найти в поле зрения типичных представителей общества постмодерна, носителей норм и ценностей массовой культуры [Козловски 1997].

Современное российское общество де-факто уже вошло в «постиндустриальную цивилизацию», впитав в себя все ее пороки и изъяны, провозгласив в качестве цели движение к «сияющим вершинам» «нового экономического уклада», «экономики знаний», «четвертой технологической революции». Вхождение общества в новую реальность находит отражение в многочисленных социокультурных деталях, в облике и образе жизни людей, в изменениях русского языка, из которого стремительно исчезают краски, метафоры, уходит богатство и выразительность, вытесняясь англицизмами, вульгарным сленгом, – идет «новая варваризация культуры»... Наступающий постиндустриальный мир уже сделал субъектом жизни бездушный компьютер, заменивший человеку все его ближайшее социальное окружение – родителей, братьев и сестер, бабушек и дедушек, друзей, коллег, учителей, одноклассников, – входящему в самостоятельную жизнь человеку остается лишь принять нормы и ценности нового мира, освоить клавиши и их функции, а его мировоззрение и представления об окружающем мире сформирует Интернет, социальные сети, назойливые СМИ [Репринцев 2018]. Наступивший «постиндустриальный рай» предстает входящему в жизнь подростку и юноше в виде набора информационных сервисов, где реальный родительский дом будет заменен функциональным «умным домом», где любовь и дружба, вероятно, будут заменены технически совершенными, но бездушными устройствами. Но все эти умные и совершенные устройства едва ли смогут сделать человека счастливым... Вне социальных отношений, вне тепла и заботы любимых и любящих реальных людей, вне прикосновения рук и человеческих объятий, вне деятельности, вне конкретных поступков близкого и дорогого человека невозможно испытать самые высокие и чистые человеческие чувства.

Постиндустриальный мир, опираясь на постмодернистскую концепцию жизни, разрушает самое главное – Человека, его сознание. Это разрушение осуществляется праздностью и ленью, развратом и стремлением к обладанию вещами, деньгами, властью над другими людьми, демонстрацией собственного превосходства, успешности, богатства. За всеми этими проявлениями личности стоит духовное оскудение и нравственная дезориентированность, социальная обособленность и потеря жизненного оптимизма – эти проявления сегодня весьма характерны для молодых людей, ощущающих свою «выброшенность» из потока жизни, бесперспективность бытия, отсутствие сопряженности с делами и заботами общества. По сути, современные подростки и юношество все дальше дистанцируются от традиционной культуры предков, утрачивают связь с прошлым, с историей и культурой своего народа, а значит, утрачивают наиболее типичные ментальные характеристики и черты, присущие русскому этносу. На смену привычным, наиболее характерным чертам русского человека пришли «универсальные», «общечеловеческие», унаследованные от массовой культуры, от общества спектакля. И уже очевиден «новый человек», с «новым» набором хорошо

известных личностных качеств – это социальный типаж, получивший в народной лексике вполне выразительное определение «Иваны, не помнящие родства», да и в литературе такой социальный типаж был «запечатлен» Чингизом Айтматовым в образе манкурта – духовного чудовища, искусственно лишённого памяти, ставшего рабом, исполнителем чужой воли. Манкурт – социальный типаж, убивающий собственную мать, способный на самые жестокие и отвратительные поступки. Манкурт – моральный урод, не знающий своих родовых корней, национальной истории, утративший традиционные нравственные представления и нормы. Очевидно, лишённый родовой и исторической памяти, манкурт оказывается продуктом специфической, целенаправленно искажённой социализации. Манкурт социально опасен! Он представляет реальную угрозу для нормальных людей, для тех, кто ещё не оказался заражён вирусом потребительской психологии, кто ещё не успел впитать постмодернистскую концепцию жизни и уверовать в ценности и нормы массовой культуры. Искусство способно предвосхищать явления социальной реальности, прогнозировать их, показывая опасности и риски, которые подстерегают общество в случае утраты сопряжения с национальной историей и культурой, с опытом предков.

Необходимость педагогического сопровождения социализации детей и молодежи определяется насущной общественной потребностью сохранить духовное здоровье молодого поколения, обеспечить трансляцию в сознание подростков и юношества представлений о традиционных ценностях и нормах Русского мира, образе жизни русского человека. В сознание растущего человека, будущего гражданина вполне естественно входит традиционная система ценностей, основу которой составляют представления о Родине, Отечестве, национальной Истории, национальных Героях, о национальной Культуре, о традициях и обычаях народа, общественная Мораль, народное Образование, Природа страны, отечественная Наука, отечественное Искусство – эти ценности и есть фундамент национальной культуры, ее основа; именно эти ценности служат базой для становления русского национального характера. Эти ценности созданы трудом и опытом многих поколений, сохранены для потомков, апробированы временем и суровыми испытаниями, выпавшими на долю предшествующих поколений [Репринцев 2017]. Формирование представлений об этих ценностях осуществляется преимущественно при помощи искусства, оно формирует образы культуры, которые бережно хранит человеческая память. Формирование образов национальной культуры – очень тонкий, деликатный процесс, требующий ювелирного прикосновения к душе ребенка, становлению его ценностно-смысловой сферы личности.

Искусство сегодня стремительно перемещается в виртуальное пространство, в информационную среду. Уже появляются теоретические концепции, постулирующие феномен «цифрового изобразительного искусства» [Ерохин 2010]. Как отмечают исследователи, цифровизация искусства становится сегодня одним из мощнейших элементов информационной среды, «новой реальностью», позволяющей потребителю осуществлять восприятие продуктов художественного творчества с помощью принципиально новых способов и в новых формах социально-коммуникативного взаимодействия. Новая реальность и формы существования цифрового искусства определяют новые законы восприятия продуктов художественного творчества, взаимодействия с ними, их интерпретации и оценки. Это означает, что искусство обретает и целый ряд новых свойств, которыми оно прежде не обладало. Цифровая реальность явно изменяет не только характер и способы взаимодействия человека с искусством, но и его традиционные формы бытования, настойчиво трансформирует механизмы восприятия и оценки продуктов художественного творчества. Очевидно, такая трансформация делает продукт творчества художника более доступным для восприятия огромной массы зрителей (потребителей), одновременно существенно повышая

ответственность художника, творца за результаты своей творческой деятельности, за её влияние на всю духовную жизнь общества. Конечно, новая онтологическая реальность существования цифрового искусства по-новому ставит вопрос о первичности творческого акта: где же находится «начало» творчества – в самом замысле творца и перенесении этого замысла в бесконечную цифровую реальность или в реальном продукте художественного творчества, отражение которого (в виде фотографии или некоего визуально воспринимаемого символа, изображений и т.д.) порождает ассоциации, эмоциональные состояния и оценочные суждения у зрителя?

Неизбежно возникает важный вопрос: что же является первоисточником, первопричиной – деятельность художника, создавшего реальное произведение искусства в реальном мире, которое в готовом виде, запечатленное на фотографии, перемещается в информационную среду, а впоследствии, по запросу потребителя, извлекается из цифровой среды, становится предметом восприятия и анализа любознательного зрителя, или все-таки первична сама цифровая реальность, информационная среда, поставляющая потребителю информации цифровой образ произведения, хранящийся в недрах виртуального мира? Для большинства современных подростков первична цифровая реальность, информационная среда, из которой они с помощью смартфонов «извлекают» знания, представления, стереотипы поведения и отношений.

Конечно, Творец, Мастер, Художник создает произведение искусства; способности Художника и восприятие реальности являются источником художественного творчества, отражения социокультурной реальности в произведении искусства. Наиболее зримо эта диалектическая связь проявляется в изобразительном искусстве. Разумеется, для любого художника всегда необходим зритель, ради которого художник творит свое искусство. С помощью своих творений художник пытается говорить со зрителем о мире, в котором он живет, о проблемах, которые тревожат его сердце, о вечных ценностях жизни и о человеческом счастье. С помощью искусства художник стремится одухотворить мир, сделать его нравственнее, справедливее, счастливее [Репринцев 2018]. В этом контексте художник становится субъектом культуры, ее творцом, облагораживающим окружающий мир и самого человека [Репринцев 2017а]. Искусство формирует представления о базовых смыслах и ценностях человеческого бытия, задает границы долженствования, обогащает опыт восприятия и понимания других людей, внедряет в сознание растущего человека представления об истинной Красоте, о Добре, о Справедливости, о Достоинстве, о Чести [Бредихин 2018]. Творение произведения Искусства всегда воспринималось сквозь призму некоего таинства, мистического явления чуда, порождаемого воображением интуитивного акта рождения художественного образа – необъяснимого, неосознаваемого, иногда мучительного [Бредихин 2017]. Художники пытаются раскрыть природу художественного творчества, тайну рождения образа в искусстве, пытаются объяснить, как возникает замысел, как происходит поиск выразительных средств, как формируется авторское видение замысла произведения, его композиционное решение, как сам автор интерпретирует свою работу [Бредихин 2014]. Субъектность художника состоит в праве говорить со зрителем от первого лица, четко обозначать проблему, предлагать пути и способы ее решения. Субъектность художника – особая привилегия, связанная с правом говорить правду, говорить то, что он думает, что его волнует. Как здесь не вспомнить знаменитую выставку «Новая реальность» в московском Манеже 1 декабря 1962 г., когда работы художников-авангардистов стали предметом острой критики со стороны Н.С. Хрущева. Надо хорошо понимать, что художник – субъект культуры, предлагающий собственное видение мира, стремящийся преобразить его по законам красоты, привнести в него доброту и человечность, но и напомнить людям о вечных, экзистенциальных вопросах человеческого бытия [Репринцев 2017б].

При размышлении о современном искусстве, о природе художественного творчества в условиях становления «цифровой цивилизации», о феномене «цифрового искусства», «цифровой культуры» закономерно возникает ощущение некоторого духовного кризиса, с которым сегодня столкнулось общество. И в этом кризисе предстает целый ряд наиболее острых проблем, требующих своего осмысления и решения. Какие проблемы тревожат сообщество художников больше всего? Анализ итогов экспертного опроса художников, членов Курского регионального отделения Союза художников России позволяет выделить наиболее актуальные, по мнению большинства живописцев, проблемы, среди которых:

- социальная стратификация, проявляющаяся в ощутимо разных материальных условиях жизни людей, дифференциации их культурных потребностей и интересов, существенных различиях в доступе к подлинным ценностям культуры и искусства;
- индивидуализация социального бытия людей, нарастание социальной аномии, социального обособления, отторжения межпоколенческих связей, эгоистических установок, культа индивидуализма. Следствием этих процессов становятся размывание вкусов людей, их способности к эстетической оценке явлений и предметов окружающей действительности, сокращение потребности в произведениях искусства;
- усиление влияния «массовой культуры», «омассовление» сознания человека в результате активного информационного давления, влияния назойливой рекламы, моды, тиражирующих «стандарт», игнорирующих индивидуальность;
- заметное сокращение включенности детей и молодежи в занятия художественно-творческой деятельностью, что оставляет неразвитыми (или невыявленными) творческие способности значительной части подростков и юношества;
- сокращение, обеднение содержания художественного образования детей на этапе общего школьного обучения, что существенно выхолащивает общую и эстетическую культуру личности, снижает способность к воображению, творчеству;
- превращение искусства из средства возвышения Человека в сферу досуга, развлечений; утилитарное начинает доминировать над эстетическим, форма – над содержанием;
- коммерциализация искусства – крайне опасный тренд. Мерилом успешности художника становится успешная продажа его произведений, устойчивый «спрос на имя». Успешен тот, кто хорошо продается и дорого стоит. Необходима государственная политика в отношении к изобразительному искусству, обеспечение развития художественных школ, поддержка талантливой молодежи, стимулирование работы с молодыми художниками; нужна целая система конкурсов, грантов, пленэров, в которых молодые и талантливые художники могли бы ощутить свою востребованность;
- двухуровневая модель профессиональной подготовки в высшем художественном образовании. Нужна иная система профессионального художественного образования, опирающаяся на традиции и опыт отечественной художественной школы. Невозможно подготовить художника за четыре года бакалавриата! Невозможно подготовить художника за один час в неделю, отводимый на рисунок! Невозможно подготовить художника без музейных и пленэрных практик!

Но, пожалуй, одной из самых актуальных проблем развития культуры и искусства в постиндустриальном мире является проблема свободы художественного творчества. Для художника свобода творчества возможна лишь тогда, когда он имеет возможность писать и говорить то, что думает, что велит ему сердце. При этом свобода творчества предполагает высокую степень ответственности художника за результаты своей деятельности. И главным ориентиром для художника является его совесть, его

способность осознавать свою миссионерскую функцию в жизни общества, свое служение делу просвещения людей, избавления человека от социальных пороков.

Развитие искусства и культуры сегодня явно вписывается в логику социальной стратификации, дифференциации доступа и «потребления» произведений искусства в различных социальных стратах. Отсюда возникает принципиальное разное отношение в каждой из социальных страт к важнейшим экзистенциальным ценностям, содержащимся в подлинном, высоком искусстве, и отданной на откуп «широким народным массам» «массовой культуре». По сути, сегодня активно формируются своеобразные «зоны», дифференцированные сферы «потребления» искусства: элитарное, истинное искусство – для избранных, массовое, псевдоискусство, суррогат – для всех остальных. Подобная дифференциация вполне соответствует идеологии буржуазного общества, в котором те, кто имеет деньги, имеет и доступ к высокому искусству. Возникает стойкое ощущение, что нынешние «творцы» массового искусства сознательно активизируют свое деструктивное влияние на все слои общества, вовлекая в своеобразный культурный дрейф, духовный декаданс огромные группы молодежи, формируя культурные запросы подростков, ориентируя их на бутафорию толпы, гедонизм, разжигая на уровне подсознания базовые психологические установки молодежи на наслаждения, потребление, созерцательность, ложно понимаемую свободу [Булатников 2011]. Неизбежным следствием такого развращающего влияния «массовой культуры» становятся разврат, пошлость, эстетика низменного и уродливого. «Массовая культура» активно возводит порок в добродетель, осмеивает чистоту и искренность, ставит тело выше человеческой души. Об этом феномене разлагающего влияния «мастеров массовой культуры» смело и убедительно писал в одной из фундаментальных работ И.Е. Булатников, показывая, как идеологи «массовой культуры» обосновывают «ценность свободного развития искусства и культуры в условиях буржуазного мира» [Булатников 2012: 78–92]. Вступая в полемику с известными адептами либеральной идеологии, И.Е. Булатников показывает всю абсурдность и разлагающую человека сущность призывов проповедников буржуазной свободы к тому, чтобы «расцветали все цветы, и каждый имел такой запах, какой захочет»... Опасность подобных призывов сопряжена с отказом от традиционной морали, ее полной деструкцией. В устах новых мессий либерализма подобные призывы означают по существу «смерть культуры», «конец морали»... Тогда пропаганда насилия, плотских удовольствий, коррумпированного поведения, откровенного пренебрежения не только моралью, но Законом, становится основным идейно-смысловым трендом в деятельности творцов современного искусства. К сожалению, в «продуктах» «художественного творчества» адептов либеральной идеологии уже реализованы многие проекты, задающие именно такую систему ценностей... Как тут не вспомнить постановку «раскрученным» московским режиссером скандального спектакля в Большом театре, посвященного жизни и судьбе известного танцовщика, нагота которого, запечатленная на огромной фотографии во всю высоту сцены, освещала идейно-смысловую нагрузку «новаторского замысла» «режиссера-экспериментатора». Как не вспомнить «новаторские» постановки в ведущих столичных академических театрах, когда со сцены устами «народных» и «орденоносных» актеров в зрительный зал летит отборный мат, предлагая состоятельной публике, заплатившей большие деньги за билеты, «современное искусство» и «новое» понимание деятелями искусства своей миссии в нынешней социокультурной реальности. Да и плата за вход в такие «храмы искусства» откровенно говорит о том, что «искусство больше не принадлежит народу», что с этим «пережитком» советского прошлого покончено навсегда.

Развитие современного искусства вполне органично вписывается в логику либеральной идеологии. Несмотря на разные мнения о самой идеологии либерализма,

она продолжает делать свое черное дело: насаждая ценности «свободы», либерализм проповедует крайний индивидуализм, социальное обособление, аномию, на пропаганду которых активно работает вся мощнейшая информационная машина, а одним из самых сильных деструктивных средств пропаганды стало искусство. В образной форме сегодня активно продвигается идея «автономной личности», свободной от бремени общества, живущей «по своим законам», реализующей свои личные субъективные желания и инстинкты: «Всё социальное есть некая внешняя нагрузка на индивидуума, пресс общества, подавляющий его свободу» [Багдасарян 2019]. И искусство предлагает модели социального поведения, в которых не остается морали, в которых представлены способы обретения вожаемой свободы, освобождения от ограничений общества. По сути, это уже освобождение от человеческого в человеке, его «расчеловечивание». Это уже тот акт дегуманизации культуры, который делает процесс «расчеловечивания» человека необратимым... Все чаще сегодня мы видим и слышим с экранов откровения «творцов культуры», предлагающих сюрреалистические картины грядущего, изображающих наше общее будущее в образах социальной отчужденности, самоизолированности, культа физической силы, жестокой борьбы за выживание. И все реже искусство сегодня предлагает примеры подлинного гуманизма, милосердия, добротворчества, альтруизма... Истинная гуманность перестает «быть в цене». Тем самым изменяющийся мир проявляет себя в новых «творениях» искусства, оставляя потомкам наглядные свидетельства крушения великой культуры, стремительно утрачивающей свое былое величие. Идеи и искания Достоевского и Толстого, Чернышевского и Горького, Шолохова и Айтматова перестают питать умы и сердца современной молодежи, равно как и творцов искусства. Сегодня наступает время Чичиковых, Лопухиных – время манкуртов...

Стремительное изменение облика Русского мира, масштабные социокультурные трансформации образа жизни русских людей не могут и не должны разрывать пуповинного родства входящих в самостоятельную взрослую жизнь подростков и молодежи с национальной историей и культурой, не должны разрушать складывавшихся веками представлений русского человека о важнейших экзистенциальных ценностях бытия. В этом процессе наследования духовной культуры Русского мира искусство всегда выполняло чрезвычайно важную окультуривающую миссию, позволяя решить наиболее ответственную задачу – пробуждать чувства добрые, делать русского человека русским, помогать человеку жить сердцем. «Надо учиться заново быть русскими, любить и ценить свой народ, свою историю и культуру, уважать прошлое и моральный выбор отцов. Надо перестать заниматься переписыванием своей истории в угоду политической конъюнктуре. Надо ценить жизнь и понимать ее быстротечность. Надо уважать человеческую личность и ее право быть самой собой. Только в этом случае в самостоятельную взрослую жизнь выйдут действительно духовно богатые, интеллектуально состоятельные молодые люди, способные жить в демократическом гражданском обществе, строить свое будущее, опираясь на традиции и опыт своей национальной культуры» [Булатников 2012: 83].

Библиографический список

Акопян К.З., Захаров А.В., Кагарлицкая С.Я. и др. Массовая культура. М.: Альфа-М: Инфра-М, 2004. 304 с.

Багдасарян В. Либерал-онтология и либерал-антропология. Иллюзия свободы, мир без границ, цифровой человек. URL: http://zavtra.ru/blogs/liberal-ontologiya_i_liberal-antropologiya (дата обращения: 03.11.2020)

Бауман З. Текучая современность. М.; СПб.: Питер. 2008. 240 с.

Бредихин А.П. Проблемы современного художественно-педагогического образования в контексте «модернизации»: время утраченных иллюзий // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2014. № 1 (262). С. 52–60.

Бредихин А.П. Проблемы социализации молодежи в контексте трансформации национальной культуры и образования // Непрерывное профессиональное образование как фактор устойчивого развития инновационной экономики / под ред. Е.А. Корчагина, Р.С. Сафина. Казань, 2017. С. 3–8.

Бредихин А.П. Профессионально-личностное развитие студентов-дизайнеров в образовательной среде вуза // Высшее и среднее профессиональное образование России в начале 21-го века: состояние, проблемы, перспективы развития / под ред. Р.С. Сафина, Е.А. Корчагина. Казань, 2018. С. 322–328.

Булатников И.Е. «Кризис культуры» и его отражение в состоянии общественной морали: диалектика вечного и временного в социально-нравственном воспитании молодежи // Евразийский форум. 2012. №4. С. 78–92.

Булатников И.Е. Воспитание ответственности. Курск: Мечта, 2011. 228 с.

Булатников И.Е. Деструкция морального сознания современного российского общества как проблема теории и практики социального воспитания молодежи // Вестник Костромского государственного университета. 2012а. № 1. С. 146–152.

Булатников И.Е. Деструкция общественной морали как проблема современного социального воспитания молодежи // Ярославский педагогический вестник. 2012б. Т. II. №5. С. 24–30.

Булатников И.Е. Личность. Мораль. Воспитание: Проблемы социально-нравственного становления личности в условиях глобализации культуры: избр. тр. И.Е. Булатникова: в 2 т. Т. 1. Курск: ВИП, 2017. 392 с.

Булатников И.Е. Социально-нравственное воспитание студенчества в контексте формирования представлений молодежи о социальной свободе и ответственности личности // Психолого-педагогический поиск. 2011а. № 1 (17). С. 79–90.

Булатников И.Е. Социально-нравственное развитие молодежи в условиях деструкции общественной морали // Психолого-педагогический поиск. 2012в. №3 (23). С. 60–72.

Булатников И.Е. Этические основы русского образования в зеркале национальной истории и культуры: перечитывая наследие К.Д. Ушинского // Известия РАО. 2014. №3. С. 14–34.

Булатников, И.Е. Этические основы русского образования в философско-педагогической концепции Е.П. Белозерцева // Психолого-педагогический поиск. 2015. №1 (33). С. 110–133.

Быстрова Т.Ю. Вещь, форма, стиль: введение в философию дизайна. М.–Екатеринбург, 2017. 128 с.

Быстрова Т.Ю. От модернизма к неорационализму: творческие концепции архитекторов XX–XXI веков. 2-е изд., доп. М.–Екатеринбург, 2018. 402 с.

Ерохин С.В. Эстетика цифрового компьютерного изобразительного искусства: автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 2010. 45 с.

Завьялов А.С. Производство цифрового искусства и общество // Вестник московского государственного областного университета. 2014. №3. С. 28–33.

Загребина С.А. Дигитализация искусства: к вопросу о цифровом репродуцировании // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека / под ред. Р.В. Ершовой. Киров: ВятГГУ, 2016. С. 138–141.

Зарубина Н.Н. Между этикой убеждения и этикой ответственности // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 92–108.

Затонский Д.В. Модернизм и постмодернизм: Мысли об извечном коловращении изящных и неизящных искусств. М.: АСТ, 2000. 256 с.

Зверева В.В. Массовая культура: современные западные исследования / пер. с англ.; послесл. В.А. Подороги. М.: Прагматика культуры, 2005. 339 с.

Ильин А.Н. Массовая культура и субкультуры современного общества: специфика соотношения // Общественные науки и современность. 2011. №4. С. 167–176.

Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000. 304 с.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

Климова Л.Е. Массовая культура и личность: культурфилософский аспект. Ставрополь: СГУ, 2005. 150 с.

Козлова Н.Н. Безвкусица масс и вкус интеллектуалов // Общественные науки и современность. 1994. № 3. С. 142–150.

Козловски П. Культура Постмодерна. М.: Республика, 1997. 240 с.

Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: URSS. 2016. 352 с.

Кристиана Пол. «Цифровое искусство / Музей современного искусства «Гараж». М.: Ad Marginem, 2018. 272 с.

Кукаркин А.В. Буржуазная массовая культура: Теории. Идеи. Разновидности. Образцы. Техника. Бизнес. 2-е изд., доработ. и доп. М.: Политиздат, 1985. 399 с.

Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. 347 с.

Махрова Э.В. Художественное образование в педагогическом вузе на современном этапе // Проектирование профессиональной подготовки учителей творческих специальностей в условиях модернизации педагогического образования. Воронеж, 2004.

Окольская Л.А., Пешкова В.М. Нормативные визуальные образы в массовой культуре для подростков // Общественные науки и современность. 2012. № 3. С. 156–167; 2012. № 4. С. 162–172.

Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие эссе / сост. И. Тертерян и Н. Матяш; пер. с исп. С. Васильевой, В. Симонова, И. Тертерян, Н. Кротовской, Н. Снетковой, Н. Трауберг, Н. Матяш. М.: Радуга, 1991. 639 с.

Питерс Том. Основы. Дизайн. СПб.: СШЭ в СПб, 2006. 160 с.

Постмодернизм: Энциклопедия / ред.-сост. А.А. Грицанова, М.А. Можейко. Мн.: Интерпрессервис, 2001. 1040 с.

Репринцев М.А. Социально-нравственные основы проектирования городской среды: миссия и компетентность профессионала дизайнера // Высшее и среднее профессиональное образование России в начале XXI века: состояние, проблемы, перспективы развития / под ред. Р.С. Сафина, Е.А. Корчагина. Казань: КГАСУ, 2018. С. 207–213.

Репринцев М.А. Этнокультурные основы современного дизайн-проектирования: компетентностный подход в профессиональной подготовке дизайнера // Формирование

этнокультурной компетентности субъектов педагогического процесса в условиях поликультурной образовательной среды / отв. ред. В.В. Константинова. Йошкар-Ола, МарГУ, 2017. С. 56–65.

Репринцев М.А. Этнокультурные основы современного дизайн-проектирования: опыт разработки и реализации проектов историко-этнографических комплексов // *Этнопедагогика как фактор сохранения российской идентичности*. Чебоксары, ЧГПУ, 2017а. С. 464–469.

Репринцев М.А. Этнокультурные традиции как основа профессиональной деятельности дизайнера: от композиционного замысла – до реализации проекта // *Этнокультурное образование в современном мире* / науч. ред. Е.А. Александрова. М., 2017б. С. 612–631.

Сафин Р.С., Корчагин Е.А. Непрерывное профессиональное образование: взаимосвязь с производством // *Непрерывное профессиональное образование как фактор устойчивого развития инновационной экономики* / под ред. Е.А. Корчагина, Р.С. Сафина. Казань, 2017. С. 67–72.

Сидоренко В.Ф. Эстетика проектного творчества. М.: ВНИИТЭ, 2007. 136 с.

Смолкина Д.В. Трансформации массовой культуры в постиндустриальном обществе: автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2012. 20 с.

Стукалова А.А. Оценка эффективности продвижения образовательных программ в условиях высоконконкурентного рынка // *Интернет-журнал «Наукоедение»*. 2015. Т. 7. №3. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/182EVN315.pdf> (дата обращения: 25.03.2019).

Сухоруков И.С. Изучение особенностей этнокультурной идентичности школьников // *Ярославский педагогический вестник*. 2016. № 6. С. 110–116.

Сухоруков И.С. Информационная среда в системе факторов формирования этнокультурной идентичности подростка: психологические механизмы преодоления дезориентирующих влияний информационной среды // *Развитие личности в условиях цифровизации образования: от начальной к высшей школе*. Елец: ЕГУ, 2020. С. 292–299.

Сухоруков И.С. Клубный коллектив как социально-психологическая среда формирования этнокультурной идентичности подростка // *Берегиня*. 777. Сова. 2021. №3 (50). С. 216–230.

Сухоруков И.С. Миссия институтов социального воспитания в формировании этнокультурной идентичности подростков и юношества // *Гуманизация образовательного пространства*. [Электронное издание]. Саратов: СГУ, 2016а. С. 857–877.

Сухоруков И.С. Мотивационно-оценочные характеристики дифференциации "своих" и "чужих" в полиэтнической подростковой среде // *Вестник Костромского государственного университета*. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020а. Т. 26. № 4. С. 14–24.

Сухоруков И.С. Патриотизм и гражданственность личности подростка как результат формирования его этнокультурной идентичности // *Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета*. 2016б. Т. 7. № 4-2. С. 476–491.

Сухоруков И.С. Проблемы подготовки будущих педагогов-психологов к процессу формирования этнокультурной идентичности подростков и молодежи // *Инновации и качество профессионального образования* / под ред. Р.С. Сафина; И.Э. Вильданова. Казань: «Школа», 2021а. С. 136–140.

Сухоруков И.С. Проблемы формирования этнокультурной идентичности подростков и юношества в зеркале педагогической социологии: опыт эмпирического исследования // *Вестник Костромского гос. ун-та*. 2016в. Т. 22. № 4. С. 258–263.

Сухоруков И.С. Проблемы формирования этнокультурной идентичности подростков и юношества в современной практике социального воспитания // *Этнос и общество в контексте межнациональных отношений*. Краснодар: КубГУ, 2016г. С. 378–404.

Сухоруков И.С. Развитие этнокультурной идентичности подростков и юношества как условие возрождения духовно-нравственных основ российского общества // Новая парадигма организационного управления в условиях вызовов XXI века (к 95-летию Л.И. Уманского). Кострома: КГУ, 2016д. С. 230–240.

Сухоруков И.С. Современный сельский мир и проблемы формирования этнокультурной идентичности подростков: выживает ли традиционная русская культура под натиском глобализации? // Социокультурные и психолого-педагогические факторы развития субъектов образовательного пространства сельских территорий. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2020б. С. 181–186.

Сухоруков И.С. Социокультурная среда в системе факторов формирования этнокультурной идентичности подростков: кто воспитает гражданина и патриота? // Этнокультурное образование в современном мире: сб. ст. / науч. ред. Е.А. Александрова. Саратов: СГУ, 2017. С. 710–733.

Сухоруков И.С. Формирование этнокультурной идентичности детей и молодежи в условиях возрождения Русского мира // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2016е. № 2 (29). С. 92–101.

Сухоруков И.С. Формирование этнокультурной идентичности детей и молодежи как ответ системы социального воспитания на глобальные вызовы современного мира // Социальное и профессиональное становление личности в эпоху больших вызовов: Междисциплинарный дискурс: сб. ст. Ярославль: ЯГПУ, 2021. С. 247–252.

Сухоруков И.С. Формирование этнокультурной идентичности подростков и юношества в контексте становления в России гражданского общества: опыт эмпирического исследования // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2016ж. Т. 2. №4. С. 53–62.

Сухоруков И.С. Формирование этнокультурной идентичности подростков средствами народного искусства: механизмы и условия перехода «внешнего» во «внутреннее» // Этнокультурные феномены в образовательном процессе: сб. науч. ст. Чебоксары: ЧГПУ, 2020. С. 196–204.

Токман А.А. Критерии эффективности управления качеством образования в высшем педагогическом учебном заведении // Вестник Костромского гос. ун-та. 2016. №4. С. 193–198.

Турлюн Л.Н. Компьютерная графика как особый вид современного искусства: автореф. дис. ... канд. искусствовед. Барнаул, 2006. 23 с.

Хагуров Т.А. «Человек потребляющий». Антропологическая девиантология массовой культуры. Germany Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2011. 297 с.

Хагуров Т.А. Массовая культура в обществе потребления // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2007. №1 (11). С. 81–86.

Хагуров Т.А. Постмодернизм как повседневность, или образование в стиле Кафки: заметки социолога // Школьные технологии. – 2015. – № 3. – С. 3–15.

Храмкова Е. Разработка инновационного продукта: семь поводов задуматься о будущем. URL: <http://designet.ru/context/NPDD/?id=41449> (дата обращения: 13.04.2019)

Храпов С.А. Трансформация общественного сознания в социокультурном пространстве постсоветской России: автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 2011. 39 с.

Хренов Н.А. Между культурой и цивилизацией: история образов после истории искусства // Культура и образование. 2015. С. 68–77.

Хренов Н.А. Экранная культура в контексте перехода от индустриальной к постиндустриальной цивилизации // Наука телевидения. 2016. С. 12–47.

Швейцер А. Культура и этика / общ. ред. и предисл. проф. В.А. Карпушина. М.: Прогресс, 1973. 343 с.